

ИВАН
БУРКИН

ЛУНА
НАД
САН - ФРАНЦИСКО

Иван Буркин

**ЛУНА НАД
САН-ФРАНЦИСКО**

Петербург
1992

ББК 84Г7

Б 91

Иван А. Буркин.

Луна над Сан-Франциско.— С.-Пб., журнал
«Юность», 1992 г.

Литературный представитель в России —
Николай Якимчук.

Редактор *Николай Якимчук.*

ПОЭЗИЯ НАЧИНАЕТСЯ ПОСЛЕ ТОЧКИ

Для сан-францисского поэта Ивана Афанасьевича Буркина родина не Россия и даже не город Пенза, в котором он появился на свет в 1919 году, а замечательный «роман-остров» Александра Матвеевича Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (первое издание в 1914 г.). Только стал Иван Афанасьевич героем этого романа-острова не в двадцатые годы, а уже после Второй мировой войны, точнее в начале пятидесятых годов (или чуть позже), когда судьба забросила его в Соединенные Штаты Америки.

А поэтом Иван Афанасьевич стал гораздо раньше, в то самое мгновение, когда объяснился в любви к ...безличным предложениям. Думаете это легко? А попробуйте-ка выразить восторг своих чувств к таким неприступным красавицам как «СВЕТАЛО», «СМЕРКАЛОСЬ», «НЕ СПАЛОСЬ». От них трудно дожидаться взаимности, особенно если луна смеется над Сан-Франциско, и плывут по небу «варианты улыбок» из «дыма воспоминаний».

Шли годы эмигрантской жизни, и поэт Иван Буркин влюблялся периодически то в существительные с отвлеченным значением (такие как «белизна», «крутизна»), то в волевой оттенок в значении глагола (например, «почернел», «погрубел», «одичал», «закричал») и даже в двойные «супружеские» союзы: «если — то», «когда — то», «коли — то», «раз — то». А там, где любовь, не важно к кому, к природе, женщине или к родному языку — там и стихи. Правда, стихи очень странные и необычные, если сравнивать их с типичной эмигрантской лирикой, ориентированной в основном на воспоминания детства. У Ивана Буркина как раз наоборот: вместо ностальгии — притча, метаморфоза, парадокс:

Глазам дали задание
расставить мебель азбуки,

*задержать уезжавшие буквы
и доставить их в голову.*

Да и взгляд на поэзию у Ивана Буркина на редкость нетрадиционный:

*Поэзия начинается после точки.
Если между двумя точками
произошло убийство: например,
прилагательное укукошило
существительное.*

А это значит, что слова в поэзии Ивана Буркина живут не на книжной полке, а в пространстве фантазии и воображения, игры и интуиции:

*Фонтан висел на цепях
и занимался акробатикой.
Палач отрубил голову цифре 2,
и время упало к моим ногам.
Мои ботинки показывали 1975-й год,
а мое лицо уходило
в другую эпоху.*

Иван Буркин — автор 6-ти книг, но это лишь небольшая часть из всего им написанного. Когда будут опубликованы стихи, романы, эссе из «двух чемоданов», то перед нами предстанет Иван Буркин во всем своем разнообразии: от коллекционера вечных ценностей до укротителя дерзких метафор, от фокусника поэтической бессонницы до эквилибриста смеха сквозь прозу.

Если русский синтаксис еще как-то можно объяснить (с помощью А. М. Пешковского), то поэзию Ивана Буркина я бы не рискнул объяснить, хотя, наверняка, найдутся структуралисты, герменевтики и любители феноменологической редукции, которые во всеуслышанье заявят, что «двигаясь сквозь язык, Иван Буркин колеблет основные понятия «здорового смысла», и прежде всего понятие «реальность». На что Иван Афанасьевич может ответить «умозрительным мудрецам»:

*В конце каждой строки
вместо знака восклицания
я ставлю зажженную свечу...*

19 августа 1991 года Иван Буркин впервые за 50 лет эмиграции приехал в Россию. В Санкт-Петербурге он был лишь два дня, 21-го августа и 22-го, остальные десять дней в Москве.

Из всех разговоров с ним о судьбах мира и России, о политике и гео-политике, о тайнах творчества и об участии поэтов здесь и за океаном мне больше всего запомнились слова, сказанные Иваном Афанасьевичем Буркиным о русском языке:

«Изменчивое подлежащее. Глагол, всегда обещающий перемену. Предлог в уютном предложном падеже. Личное местоимение прекрасного пола в винительном падеже. Существительное, рисующее время. Рана на теле наречия. Стрельба по существительным из окон темных прилагательных. Желанная точка».

Михаил КУЗЬМИН.

13-й ПОДВИГ

МИНИ-МОНО-МАНИ-ФЕСТ

1

Слово — не хозяин.
Слово — лакей.
Пора прекратить болтовню
о свободе слова. Что она дает?
Диктатуру лакеев, подобную
диктатуре пролетариата?
Свобода воображения — вот главное!
Подчеркиваю:
Слово — не генерал,
и всякое словопочитание
равносильно рабологии.
Как солдата,
за всякое неповиновение
слово следует наказывать:
или снижать чином,
или выгонять из строчки как из строя.

2

Поэзия начинается после точки.
Если между двумя точками
сидят и спят слова, как пассажиры,
ожидающие поезда на вокзале;
если между двумя точками
валяется эпитет, заброшенный
еще Пушкинным;
если между двумя точками
нет нападения из-за угла
(так именно должны вести себя слова);
если между двумя точками
одно слово не лишило невинности другого —
поэт, берегись:
у тебя много друзей.

Если между двумя точками
шумит как у Державина река времен;
если между двумя точками
произошло убийство: например,
прилагательное укололо существительное;
если между двумя точками
нет никакой надежды на спасение —
поэт, радуйся:
у тебя много врагов.
Ибо, как говорит Шкловский,
с врагами не пропадешь.

ИТАК, НАЧИНАЕТСЯ...

На белой бумаге,
похожей на необитаемый остров,
высадился поэт
и начал создавать читателя.

ПРОБУЖДЕНИЕ ИВАНА-ЦАРЕВИЧА

Китайские иероглифы
стоят как избушки на курьих ножках —
к лесу передом, к нам задом.
Подъезжаю я к избушке-иероглифу
как Иван-царевич и говорю:
«Избушка-иероглиф! Стань по-старому,
как мать поставила —
к лесу задом, ко мне передом».
Иероглиф повернулся,
я вошел... и проснулся.
Как сладко пробуждение
Ивана-царевича.

ХОД КОНЕМ

Человек стоял на перекрестке
и дирижировал рекой.
Из тьмы, как покойников,
выносили вытянувшиеся тени.
С дамами прогуливались

запятае в черных перчатках.
В витрине отбывали наказание
Гавайские острова.
На столе, как цветок на могиле,
лежал томик стихов.
Гитара завоевывала уши
и трехмерное пространство.
Смычок делал зарисовки
высокой меланхолии.
Поэт продавал горы,
и закат вешал на них красную цену.
Борода покушалась на общество
и расширяла свои границы.
Чья-то рука кормила стены,
и они росли и росли,
уничтожая все горизонты.

ВЕСНА

В гнездо из пальцев
прилетел карандаш
и начал чирикать.
Дерево позвонило портному
и заказало себе юбку;
портной позвонил дереву
и заказал грушу.
Гроб заказал себе покойника.
Кто-то сочинил страну для скрипки.
Вера надела выражение Лизы,
потому что Лиза
одела своим лицом кавалера Веры.
Пиджаку дали адрес,
и он поехал искать -
две руки, спину и грудь.
Глазам дали задание
расставить мебель азбуки,
задержать уезжавшие буквы
и доставить их в голову.
Полицейский играл на пистолете.
Река текла к Пушкину,
и разочарованная пуля
покончила самоубийством.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ СОЧИНЕНИЕ

В каменных крестословицах Нью-Йорка,
где услужливые окна трут вечером
друг другу спину,
где правая сторона продает левую,
где левый глаз отказывается
помогать правому,
где нули капают как слезы,
а слезы похожи на горькие нули,
где в кудрявом блеске саксофонов
отворяются лица негров,
где, открывши рот, красавицы
обнажают как пулеметные ленты зубы,
где кто-то из Пятой симфонии Бетховена
упорно стучит в мою грудь,
где память подает мне на золотой ложке
душистые стихи Хлебникова,
где в темных барах я опускаюсь
на живописное пьяное дно
и нахожу затонувшее сокровище,
сверкающее пронзительным вином
и чистой душой —

в каменных крестословицах улиц
небытие определяет
сознание...

КТО ЕЙ ЦЕЛУЕТ ЗОЛОТЫЕ КОЛЬЦА, ИЛИ КАК НАПИСАТЬ ХОРОШИЕ СТИХИ

Познакомиться с женщиной.
Влюбиться безостановочно.
Думать о ней по порядку:
как пахнут ее волосы,
как ясно виднеются ее губы!
Как опасно вечереют ее глаза,
какая у нее шея,
какие у нее кнопки на платье —
словом, думать до щиколоток;
потом вздыхать по порядку о том,
какие у нее плечи,

какая у нее грудь,
какое у нее то-то и то-то —
словом, вздыхать до щиколоток;
потом думать в обратном порядке,
потом вздыхать наоборот,
потом думать и вздыхать как попало:
когда смеется,
на лицо набегает праздник;
она выходит из дома,
и ветер заигрывает с ней;
когда говорит,
в голосе видна флейта;
рука как маленький канделябр
с лиловым пламенем ногтей;
она входит в дом,
и все зеркала спешат к ней;
губы как парадный подъезд —
как приблизиться к ним?
Брови летят издалека —
где они остановятся?
О ком это живописное молчание?
Тонкая папироса в кавычках пальцев.
О чем эта музыкальная бледность?
Потом вздыхать по расписанию:
в восемь часов утра о том,
какая у нее шея;
в восемь вечера о том,
какие у нее колени.
Потом встретиться с женщиной еще раз
и убедиться, что она тебя не любит.
И начать все сначала:
думать о ней по порядку,
вздыхать по плану и без плана,
проклинать все без расписания:
кто ей целует золотые кольца?
Ах, этот рот!
Из него всегда ждешь нашествие гибели.
О ком это живописное молчание?
«Ах, зачем эта ночь...»
Как зачеркнуть ее талию?
«В дверь стучится зимний вечер...»
Что делается в тылу красоты?
Как обманчив заgrimированный небосклон!
Опустошенные руки —
что с ними делать?

«Что-то пели смычки о любви».
О этот рот —
он похож на 13-е число!
У деревьев был выходной —
как они веселились!

Потом все это записать —
по порядку,
наоборот,
как попало...

ЛУНА НАД САН-ФРАНЦИСКО

Чуден, как Днепр у Гоголя,
город Сан-Франциско под луной.
Луна словно Оксана
смотрит на него из небесной Малороссии,
и Сан-Франциско как парубок в белой свитке
стоит, измученный ожиданием
и опоясанный блеском.
Какая струна кольнула его в сердце,
какая волна кидалась к нему на шею в светлые ночи —
он весь охвачен томлением,
и улицы его как кисти цветущей акации
висят над хлебосольным заливом.
Николай Васильевич!
Встаньте,
возьмите перо,
забудьте про Оксану и луну в Гамбурге
и посмотрите на луну,
которую делают в Сан-Франциско,
на Тихий океан,
который объездил весь земной шар,
но вернулся опять в Сан-Франциско,
чтоб лежать, как влюбленный,
у ног любимой...
Эх, луна!
Эх, Сан-Франциско!
Эх, Николай Васильевич!

ВЫ НЕ ЗАМЕТИЛИ?

Улыбка клоуна была как серп и молот —
подумайте: не улыбка, а герб.
Язык женщины был на высоких каблуках.

Песня стояла на двух ногах
и ждала лестницу.
Роза напомнила мне
шкатулку Чичикова:
так много в ней перегородок!
Азбука закрыла глаза
и дремала в заглавии книги
очень известного автора.
Я воспользовался случаем,
вынул букву Т (ключ)
и стал отпирать веселые двери.

ПОД АБСУРДИНКУ

На полках появились породистые книги,
но молока от них было мало.
Стали разводить слезы,
собак, картофель, вранье.
Урожай опаздывал,
тогда стали разводить надежду
и поить ее конституцией.
Когда подошла осень,
ее сравнили с бабушкой,
после чего произошла революция.

ПОРТРЕТЫ

1

Почти нос.
Губы на выпуск.
Кавычки грусти
под пальмой бровей.
Еще что-то.
И всё это
в кустарнике кудрей.

2

Анфас — не лицо,
а распятие:
нос — тело,
а брови — руки,

пригвожденные глазами...
Страшно, но верно.

3

Лицо для скрипки.
Опус 99,
до диэз минор.

4

Помни обо мне!

5

В яму физиономии
свалили все:
перекрестки морщин
и страданий,
пылесос,
под названием «нос»,
две бочки глаз,
два воза скорби
с другим скарбом
и универсальную
букву рта...
Вход воспрещается.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Как у колодца
я сижу у словаря
и черпаю в сущности бездонные наречия:

крупно,
безумно,
красиво,
игриво,
всегда,
везде —

к ним спешат уже бесконечные глаголы:

думать,
любить...

И я кричу:
— Милая смерть, не трогай эти глаголы!

На дворе, за внимательным окном,
дождь развешивает оставшиеся кавычки капель
на куплетах и терцинах проводов,
и улица как оркестр
настраивает двери, балконы, шляпы, походки.

ДАВАЙТЕ ИЗОБРАЗИМ МОРЕ

Давайте вспомним парус,
сравним его с дочерью городничего,
которой пора выходить замуж,
или с женой городничего,
которой можно еще раз выйти замуж,
добавим лодку
и украсим все это
лентами прилагательных.

Давайте вспомним волны,
разудалые,
разухабистые,
размашистые —
волны, волны, волны —
сравним их с одеждами архангелов,
потом с качелями
и посадим на них пиратов.

Давайте вспомним чайку,
молодость,
солнце
и глубину милого лица,
и катастрофическое желание,
и все, что связано с ним,
и волны, волны, волны...

Давайте вспомним берег,
высокий,
скалистый,
желтый...

Давайте вспомним картину Айвазовского
и сравним ее с нашей картиной.

Давайте поедем к морю!

ТРИ ПРОЛОГА

1

Мы в сумерки входим как в подводное царство. Прекрасные лица сомнений, желаний, становятся тише, и в тонком разговоре угасшего дня деревья как странники ищут покоя и бродят в аквариуме, где лампы шевелят легко плавники золотые лучей... Мы одни. Наши лица разбавлены вечером, наши думы годятся на выставку... Мы одеты в загадочный шелк очертаний. Все вопросы в пути. Все надежды на дне. Нас охраняют эпитеты как сторожа. Мы в сумерки входим. Свободны от прошлого, получив независимость от брэнного будущего. Мы призрачны и легки, и в груди у нас вместо легких ангелы в розовых крыльях готовятся, видно, к полету...

2

Я помню! Тот берег, заваленный волнами, тот блеск хитрой чайки над нами, тот ветер упрямый, тот полдень детальный... Мой голос слабел, и концы прилагательных ломались и падали глухо в пространство, в котором царили лишь море и профиль тот юный, полный чудесных еще колебаний. Как быть мне? Повесить как флаг перед ней это чувство? Метнуться, взлететь, испариться... Есть в жизни мгновенья, когда нужно сделать так много, когда надо врезаться в жизнь и, быть может, разбиться... но сделать тот шаг — шаг к женщине, скорый, решительный, божественный шаг.

3

Под взглядом поэта как под лапой медвежьей действительность хрустнула (скелет ее тонкий и ветхий был только что взят из ремонта), и птицы, услышав вдруг треск, улетают в печальную память, где кто-то дрожащей рукой запирает тяжелые двери... Но если действительность пала как самодержавие, и пала свеча как последний солдат ее, и глаз обывателя, что нас угнетает, был свергнут с престола, но если... Что делает здесь карандаш, этот трус, этот пленник? Ведь рухнуло все, даже мысли. и речь побежала легко после смазки вдоль стен, кипарисов, посаженных кем-то взамен восклицательных знаков. Что делает взор обывателя здесь? Если время разбилось... Зачем эти цепи грамматики здесь? С восточным орнаментом лица мелькают, и глаза их стреляют в себя; другие же лица как лампочки перегорают и льют свой испуг где попало, ничего не творя. Лишь белый цветок с золотым набалдашником громко советует: — Спешите, спешите, спешите!

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Мужчина начинается у женщины,
продолжается в пивной,
а кончается на веревке.
Самая яркая страница в жизни —
бутылка с синими глазами.

В ДУХЕ КИРИКО

Я вышел из дому и...
попал в страну ярлыков.
Меня сразу же встретила дощечка
с буквами: «Город».
Я вошел и очутился на улице,
табличка которой гласила: «Бульвар толстых».
На меня смотрели пожилые дома,
взгляды окон были широкими, многозначительными.
Плечи домов были узкими и высокими.
На груди у одного дома
висел медальон с надписью: «Банк».
На груди другого дома
медальон изображал келбасу и арбуз.
На животе толстого здания
висела золотая цепочка.
На шапке почтамта
как кокарда белел циферблат.
Сосед почтамта спал,
прищурив окна.
В карманах храма
виднелись святые.
На тротуаре стояла женщина,
во взгляде ее маячил флажок:
«Не хотите...?»
Прохожий сказал слово,
на котором висела табличка: «Сколько?»
Улица кончилась.
На столбе висела дощечка: «Горизонт».
Я пошел вдоль горизонта,
к которому причаливало небо,
без ярлыков и надписей...

ОПИСАНИЕ ГРОЗЫ

После грозы хотелось:
послать привет черту,
выпить шампанского,
сочинить стихотворение,
поцеловать женщину,
нарисовать коня,
разбудить цветок,
купить сапоги,
заблудиться в рассказах Тургенева...

ТРИПТИХ

1

Вышли в море,
и началось половое
созревание парусов.
Приключения в таких случаях —
неизбежны.

2

Слово убежало
из стихотворения поэта А
перешло границу
и попросило поэтическое убежище
в стихотворении поэта Б.

3

О поле, поле!
Кто тебя усеял
желтыми скрипками
(если хотите, костей)?

L'ART POETIQUE

В триумфальной арке (Парижа)
есть что-то от брюк тореадора —
и наоборот.
Люблю аналогии,
в которых два предмета

относятся друг к другу
как Лжедмитрий к Дмитрию
и наоборот.

ЗАЧЕМ? КУДА? КТО?

Ровно в полночь
музыка покинула рояль
и в объятиях ангела
полетела на небо.
Мы стояли у рояля
как у гроба
и слушали свое дыхание.
— Зачем? Зачем? —
спрашивали мы себя.
Странные вопросы
возникают после музыки:
— Зачем?
— Куда?
— Кто?

РУССКАЯ ЗИМА

Стоял декабрь,
мороз спешно организовывал зиму,
и русские глаза,
привыкшие к любым видам,
гостеприимно принимали
новый пейзаж:
бескрайние поля,
заносимые тишиной и холодом.
Мой отец стоял посреди декабря,
и я видел, как в воздухе
замерзали его теплые слова.

ДЫМ ВОСПОМИНАНИЙ

Я вынул из кармана свое имя
и подарил как розу другому государству.
Государство сидело с белой звездой

и курило сигару.
На улице выли сирены,
и барабанщики песли на животах
такое богатство шума,
которого хватило бы
прокормить все уши на свете.
Шум нравился небоскрегам,
полицейским и высоко поднимал
ноги государства.

Я радовался.

На другой день мне пришлось
выйти из туманного документа
и направиться на биржу рук.
Там меня вывели из слова
и повели к начальнику.
Начальник отрезал мне
два коротких взгляда,
и третий — длинный — отмерил секретарше.
Затем меня послали в анкету,
в которой я мылся как в бане,
но лучше не стал.
Затем меня выслали из брюк
и направили к доктору.
Доктор долго звонил в меня
как в колокол и послал домой.
У меня появилась надежда
с маленькой буквы.

Э С К И З Ы

1. С н а т у р ы

Дверь всхлипнула и вернулась домой.
Ноги с огромной длиной остановились у машины.
К ним присоединились ноги, вышедшие из бара.
Господин неопределенного характера
получил руку господина неопределенного цвета.
У первого господина был политический лоб
и хорошо завинченный взгляд.
У второго хаотическая физиономия
и подмоченное выражение.
Губы второго господина
начали изготавливать аккуратные слова.
Рот первого господина

был заперт до шести часов вечера.
Тогда второй господин
начал изготавливать жесты —
они то цвели как георгины,
то изображали что-то срочное,
похожее на щи.
Потом картина тронулась с места.

2. С Натальи

На лице открывается вид на прошлое:
на юную девушку с серыми глазами,
на первое свидание с туманным разочарованием,
на занавешенные последствия.
На груди разветвляется вид на настоящее:
на женщину сорока с лишним лет,
на бюст, который организует глаз и руки художника,
на фигуру, с которой развивается вид на Венеру
с безответственной красотой.
На пальцах рук обрывается прощанье.
В целом с Натальи поднимаются крутые как ее бедра
вопросы:
Что делать дальше?
Как попасть в будущее?

ШАЛЬ С КАЙМОЙ

Палочка с варпантамп Стравинского.
Прощальные слова с вариациями физиономии.
Имя с тяжелой роскошной косой.
Губы с красивыми полными словами.
Флаг с отрезками государства.
Венский вальс с белыми перчатками.
Черная тема с белыми бедрами.
Слово с фиговым листком.
Опасность с гривой.
Песня с веревкой.
Буква с револьвером.
Слеза с революцией.
Королевство с лампасами.
Лицо с кукушкой.

УЛИЧНАЯ СЦЕНА

Молодой человек жаловался гитаре,
качал головой,
дергал плечами,
теребил скользкие как струи струны.
На нем была рубашка западного цвета
и длинные как реки брюки.
Вокруг него полумесяцем
стояла толпа
и ждала безумия...
К толпе приклеился человек,
в кулаках которого
хранились молнии любви и ненависти.
Он расстегнул пуговицы характера,
обнажил непечатное слово
и съездил в одну физиономию
очень крепким вопросом.
Ответ кашнул немедленно.

ПОТОК ВПЕЧАТЛЕНИЙ № 1

Фонарь клаялся темноте,
командированной Богом.
Дороги зачеркивали пространство,
и колеса жадно глотали дорогу.
Лицо освобождалось от красоты
и наполнялось арифметикой.
Лекарство назначило свидание боли,
но та не явилась.
Усы выступали от имени профсоюза
посредственных чудачков.
Ночь проходила через коридоры
поэтической бессонницы.

ОЧЕНЬ ЛИРИЧЕСКОЕ

Не Волга торопится в Каспийское море —
Это я спешу в синюю рубашку.

Не белый лебедь сел ко мне на колени —
Это я читаю белую газету.

Не ветер срывает шляпы с прохожих —
Это мои глаза добывают краски печали.

Не желтый лист падает с осеннего дерева —
Это еще одна желтая надежда появилась в зеркале.

МИНИ-СТИХИ

1

Однозвучно звенит младенец,
и дорога моя неизвестна...

2

Я боюсь прямых линий...

3

Иероглифы как саранча
напали на бумагу,
на Конфуция,
на литературу...

4

Язык доведет до женщины.

5

Следите, пожалуйста, за Гоголем.

6

Слова «милый», «мой»
начинаются с губ,
которые похожи на два «м»,
поставленные одно на другое.

7

Я читаю стихи палочкой:
так вкуснее и изысканнее.

8

При желании
в азбуке тоже
можно увидеть порнографию.

ALLEGRO NON TROPPO

1

Трудолюбивый глаз
отцепился от горького слова
и как пчела
полетел сосать
ярмарку безобразия.
К нему присоединился
другой глаз,
еще один глаз,
еще один вздох,
и в результате образовалась
огромная капля терпения,
грозившая переполнить чашу...
Леди и джентльмены!
Дамы и господа!
Пропустите мои глаза!

2

Город вышел из-под пера
и зажил самостоятельной жизнью
(в тонком переплете).
Снег получился новенький,
чистенький, мягкий —
вот таким снегом
только и покрывать
темные сны вдовы
и серое русское горе.

3

На букве Г
как на виселице
болтался задушенный звук.
Чтобы сказать «Господи!»
Мне пришлось выскочить из русского языка,
сесть на белого коня
и поскакать в английский.
(Представьте себе всадника,
мчащегося на белой лошади
из одного языка в другой!)
«O Lord!» — воскликнул я,
когда меня укусила змея,
начинавшая слово Stop.

ПОТОК ВПЕЧАТЛЕНИЙ № 2

Трава зашивала
распоровшуюся тропинку.
Кто-то губкой облака
чистил солнце.
Содержимое юбки
становилось содержанием романа.
Страна переезжала
на другой берег.
Я шел по улице
и развязывал узлы ветра.
Узлы слов висели в стихотворении,
и никто не пытался развязать их.

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Сказав «Большое спасибо»
пророку Даниилу,
я пошел к Тихому океану думать
о красоте заработной платы,
об айсберге,
который плывет к сердцу,
о красоте женщины сзади,
которая когда-то затмила воображение Бунина,
о сером роботе,
который заменит нам серого волка;
о парусе,
который превратился вдруг в бабочку
и полетел к цветам горизонта;
о сливках истории,
к которым относится Наполеон;
о глазах Распутина,
которые очаровали историю.
Серебряные крестики чаек
висели над берегом
и кричали о безобразии...

СТИХИ С ЦИТАТАМИ

Пушкин писал:

«печаль моя светла,
печаль моя полна тобою»

Лермонтов писал:

«Мне грустно,
потому что я тебя люблю.»

Блок писал:

«и не любит, наверное, темных,
прислоненных, как я, у стены»

Есенин писал:

«Не потому ль кабацкий звон гитары
мне навевает сладкий сон?»

Я пишу:

В ладонях моих
следы неведомых зверей,
за которыми гнались
два охотника на лыжах.
У меня есть печаль для вазы,
посылаю ее ко дню рождения.
У меня есть строка для синих глаз,
ее ждут с нетерпением.
Тоска моя верна,
мне страшно,
потому что я люблю.

УЧЕБНИК

Молодой человек,
родившийся среди этажей
и мертвого дерева,
неожиданно вырос и
неожиданно провел ночь с женщиной.
Это была его первая
экскурсия в природу.
— Какой красивый учебник! —
посмеется читатель.

СОБЫТИЕ № 5

Очередное событие,
окрашенное в зеленый цвет,
развивалось лирически.
Его участниками были:
норовистый как лошадь дождь
и бурные как Черное море зонтики.

Дождь струсил
и побежал обратно.
И тут разыгралось зрелище:
Береза как купчиха после бани
смотрела на свою красоту,
отражаясь в жидком зеркале мостовой.
Автомобиль доил бензоколонку.
Из-под зонтика доносилась
физиономия с крупным планом.
Она выпустила два глаза
и села на цифру 10,
которая, виляя желтым и красным,
со страхом колокольчика,
тронулась в горячее,
стеклянное, многостажное.

ТОСКА В БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Белой шеей сломало песню.
Темнотой осенило голову.
Молитвой осушило слезы.
Голосом осветило лицо.
Скрипкой унесло в море.
Карандашом забросило в роман.
Глазами затащило в пропасть.
Долларом толкнуло в пивную.
Сберкассой замучило душу.
Бутылкой уничтожило противоречия.
Флагом испачкало историю.

НЕПОДРАЖАЕМОЕ

В конце каждой строки
вместо знака восклицания
я ставлю зажженную свечу...
Законченное стихотворение
выглядит как благодарственный молебен.

ВАРИАНТЫ УЛЫБОК

Цирк богат улыбками:
Перевернутые улыбки акробатов

(Улыбки вверх ногами),
Беспочвенные улыбки канатоходца
(Улыбки на пружине),
Круглые,
Увеличенные улыбки клоунов
(Улыбки с продолжением),
Сокращенные улыбки
Укротителей львов,
Забегающие вперед
Улыбки наездниц —
И к ним протянуты
Улыбки публики...

ГАЛЕРЕЯ

1

Женщина — как полное собрание сочинений.
За мелкими произведениями
следуют крупные.
В конце даются примечания из пальцев.

2

Вселенная как женщина:
изогнута и расширяется.

3

После долгих мытарств
треугольник, как в рай, понал в бикини.

4

Каким образом полотенце
очутилось в собрании сочинений красоты?

БАНАЛЬНОЕ

В созвездии пуговиц,
похожем на Большую медведицу,
виднелся человек в синем пиджаке,
белых волосах и розовых щеках.
Он покорял молодое существо —
такое тонкое,

что, казалось, оно могло сломаться
от каждого слова солидного собеседника.
Но господин в белых волосах
выбирал тонкие, тонкие слова —
не слова, а лепестки —
и преподносил их как букет.
Тонкое существо нюхало эти слова
и украшало ими свое знойное лицо,
не зная, что делать
со своими словами.

МЕЖДУ ПОЭЗИЕЙ И ПРОЗОЙ

Был час,
в котором не было времени.
Я находился
между поэзией и прозой.
Блуждая в сумерках слов,
я боялся встречных мыслей
и сердитых предметов.
Но предметы
были уже не предметами —
они были сумерками
волшебных очертаний,
сказочных контуров,
за которые цеплялись
туманные, бесформенные слова...
В этом мире
в любую минуту
могли зашевелиться
любой стих,
любая сказка...

СОН О ПОЭЗИИ

Мне снился сон:
русская грамматика,
похожая на Екатерину Великую,
строгая, справедливая,
одетая в роскошные одежды
суффиксов, приставок, падежей,
принимала в Зимнем дворце
поэтов...

Когда бал был в разгаре,
она позвала к себе
стоявших в дальнем углу
Тредиаковского и Хлебникова
и вручила им —
первому — Медаль за отвагу,
второму — Орден победы русского слова.
Пушкин в это время танцевал
и ухаживал за дамами.
А Маяковский решал:
пустить себе пулю в лоб или нет?

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

В комнату,
в которой квартировало молчанье,
вела строка из стихотворения Фета
и фиалка из поэмы Блока.
За фиалкой шли слова
и несли в руках молнию.
В стихотворении разразилась гроза,
поэта обвинили
в нарушении порядка.

КРАСИВЫЙ СМЕХ

Снежинки —
двуглавые орлы в миниатюре —
мягко садятся на тонкую молодость.
Как у Чехова, нас только двое:
она и я.
Ее смех, едва вырисовывающийся
сквозь тихий снег,
окрашен вечером
и поэтому кажется мне красивым, красивым...
Я пытаюсь поймать руку,
которая принадлежит красивому смеху
и русскому имени,
имени, которое уже давно забылось...
.
Все забылось,
все растаяло с тем снегом.
Остался в памяти красивый смех
и тонкие пальцы бесконечной молодости.

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ ЖЕ

Уходящее солнце
и наступающее вино...
И мысли как струны
натянуты на гитару,
и струны как ангелы
освобождаются от тягостных мелодий.
Цыганщина,
опять цыганщина...
Опять дорога —
длинная, длинная...
Опять длинный снег,
длинная Россия,
длинная, длинная боль...

ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Как-то раз я был свидетелем
странного зрелища.
У стихотворения Пушкина
сидел господин с рыжими бакенбардами
и, как гайки, отвинчивал рифмы.
Еще один злоумышленник,
подумал я.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Генерал вышел из шинели,
Пужинал, вышел из кителя,
Вышел из сапог,
Вышел из галифе,
Вошел в халат
И стал героем
Моего стихотворения.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Зима была красивая —
как сказка про белого бычка.
Легкие санки скользили

по мягкой легкой дорожке,
безропотно уходившей
в белую бесконечность.
Растрепанные селенья
засоряли эту белизну,
ложились на нашем пути
и исчезали.
В тулупе было хорошо —
как в берлоге.
Его огромный воротник
был покрыт серебром моего дыхания.
Мое волнение нуждалось в пространстве...
Куда я ехал?
Россия, бесконечная Россия,
находилась между рифм,
в четырех строках:

«Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая родная страна...»

РАССКАЗ О ТЕЛЕФОНЕ

Телефонная трубка,
голая, без шерсти,
с круглой, слепой мордой —
точь-в-точь только что родившийся щенок —
лежит на животе телефона
и крепко спит.
В комнате, полной стен, ножек, спинок,
как паруса плавают окна.
Как толстые тетушки
меня окружают подушки.
Вдруг
трубка-щенок проснулась.
В комнате рассыпались
светлые звонкие монеты
молодого радостного звонка.
Я поднял телефонного щенка
и, лаская, прижал к щеке.
— Алло? — сказал я под хвост телефону...

ВРЕМЯ И Я

Высоко над моими словами,
на башне городской управы,
ящерицы-стрелки кусали время.
Цифра 2 сидела как кошка
и шевелила хвостом.
Возле меня пробежала собака —
она сортировала запахи,
шершавые звуки,
и хвост ее говорил
о равенстве и братстве.
Фонтан висел на цепях
и занимался акробатикой.
Палач отрубил голову цифре 2,
и время упало к моим ногам.
Мои ботинки показывали 1975-й год,
а мое лицо уходило
в другую эпоху.

ЗАВЕДУЮ СЛОВАМИ

ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ

Займусь игрой воображенья
И вместе с солнцем выйду в сад,
Где в интересном положеньи
На ветках яблоки висят.

Я положенья не исправлю,
Но как реклама свой товар
Воображение прославлю,
Включу его в репертуар.

Воображаю, что мне скажет
Любитель верных величин!
Что скажет мне поборник каши,
Поклонник прозы и причин!

В природе — август полновесный.
И приглашая на траву,
Природа мне, персоне местной,
Дает охотно интервью.

О как природа откровенна!
О ней не скажешь: дипломат!
Над каждым жестом ее верным
Не надо голову ломать.

Мне жаль погибшую тропинку —
Ее бульдозер раздавил.
Как жаль, что я поторонился
Приобрести автомобиль.

Проїду как ветра дуновенье
По мягкой ласковой траве
Под руководством вдохновенья
И с нетерпеньем во главе.

Воображаю, как соседи
Посмотрят с завистью мне вслед.
Воображение как сети,
Будь осторожен, мой сосед!

Воображение, играя,
Порой резвится словно гром
И, как у Пушкина Аглая,
Чревато страстью и огнем.

Его побочные продукты
Бывают крупными как слон,
И ведь недаром сильный духом
Воображением силен.

МОЙ АДРЕС

Живу я — с любой точки зренья —
Под крышей непрочной земной.
Мой адрес забрызган сиренью,
Посыпан как солью зимой.

А в общем-то — адрес как адрес:
Скитался, крушенья терпел;
Изъездил он глобус и атлас
И стал недвижимым теперь.

Мой адрес осел — без прописки,
И я с ним с недавней поры
Живу словно бог олимпийский
На самой вершине горы.

Живу высоко, но покорно
И стоит ли мне отрицать,
Что я еще чей-то поклонник
И чей-то еще адресат.

Мой адрес широк и приветлив,
Открыта у адреса дверь,
И тянутся в адрес мой ветви,
И смотрится синяя твердь.

Стучатся ко мне ураганы,
Порою, как будто река,

В мой адрес — опять с берегами —
Торопится чудо-строка.

Смеется как клоун редиска,
Улыбка забросит крючок,
Над адресом вдруг народится
Луны раскудрявый стручок.

Пишу я друзьям по шеренге,
По планам, что вечно трещат:
«Черкните — не мне, так сирени.
С уважением.

Ваш адресат».

РИФМЫ-ЧАЙКИ

Я меняю рифмы как перчатки;
Чуть состарилась — и вон ее, долдой!
И представьте: рифмы словно чайки
Постоянно вьются надо мной.

Чтобы жизнь бурлила и кипела,
Я съедаю утром бутерброд,
И, вложив строку в большое дело,
Отпускаю рифмы в оборот.

Стих не пишется, а нарастает,
Все смелей нащупывая ритм.
Лишь потом как звезды в мирозданье
Рифма с рифмой звонко говорит.

Стих как пламя из случайной искры
Разгорается в молчании ночном,
И к словам душа подходит близко,
Озаряя их своим огнем.

И слова, пройдя сквозь дым экстаза
И все пытки первого костра,
Просит позволения остаться
В первом варианте до утра.

Пусть мой стих сам за себя хлопочет,
Стих, где слово трудится как вол,
Стих, где слово обливаясь потом,
Из души выносит чистый звон.

В ЭТУ ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Эту зимнюю ночь
Я немедленно начал.
Как всегда,
Мне свидание ветер назначил.
Почему, отчего разошелся я с ветром?
В эту зимнюю ночь занесло меня светом.
А потом
Как пошло,
Как пошло,
Как пошло...
Голубыми глазами меня занесло.
Завертелась судьба моя как колесо,
Дорогое лицо мне струится в лицо.
Я не знаю, куда меня сердце влечет.
Молодая рука в мою руку течет —
С трепетом, с пульсом рука молодая,
Как горячий ручей в мою руку впадает,
Образуя течение,
Что-то вроде реки,
Образуют забвенья
Четыре руки.

ЗАВЕДУЮ СЛОВАМИ

Не обижаюсь. Мир прекрасен,
И я на прошлом ставлю крест.
А вы? Вас держит сон за разум
И взял язык ваш под арест?

А мой язык здесь на свободе,
И я с терпеньем ишака,
Ношу свой вес, вожу заботы,
Смотрю в окно из языка.

Мне сквозь мечты ваш профиль светит,
И если снится что — увы,
Вначале взгляды на лафете,
Потом на фоне Волги вы.

Пока вы дремлете и спите
В глубоком сне иль в полусне,

Как ослепительный эпитет
Ко мне спешит веселый снег.

И раздражается картина:
Деревья дуют в пузыри.
А вы во сне как в карантине.
Ах, сны! Они как попурри.

Они куда-то нас толкают,
Суют, чертоги мастерят...
Я здесь один. А ночь такая,
Что можно слово потерять.

А снег! А снег! О этот север!
Он вечно в думу погружен.
Я здесь один, опять рассеян,
С мечтой опасной как с ружьем.

Пока вас водит сон капризный
По всем капризным берегам,
Со мною сад здесь рукописный,
Звезда, печатный балаган.

Я здесь без вас. А кто же с вами?
Огромный, скромный мой вопрос.
Я здесь заведую словами —
Какой высокий важный пост!

Я здесь давно подстать султану
Завел из слов такой гарем...
Да, нет... Я в роли консультанта
У слов, у песен, у поэм.

Здесь очень тихо, как в казарме.
А кто заведует у вас
Слезами, серыми глазами?
Кто приглашает вас на вальс?

Вам дождь бубнит, мне снег здесь шепчет.
Зима здесь бродит не спеша,
Не ждет, не слушает рецептов.
Пейзаж — как шуба иль пиджак.

Пейзаж здесь в сущности немалый.
Я убежден: наверняка,
Пейзаж здесь ярко накрахмален —
Белей, светлей воротника.

Что? Как я сплю? Слегка. Неважно.
Январь мне целый месяц врал.
Который час теперь по вашим?
Здесь на моих без двух февраль.

Я здесь так близок к авангарду.
Ну, например, известно ль вам —
Географическую карту
Здесь носят словно сарафан.

О даже цифры здесь кудрявы!
А доллар словно эвкалипт
Вечнозелен, в его дубраве
Наш брат напьется и скулит.

Зима просторна как палаццо.
Не я, не я, а мой двойник
Зимой, как все, в жилетку плачет,
А я весной смеюсь в дневник.

Тоска... Велик ее сценарий,
И горизонт как караван.
Сотру резинкой расстоянье
И унесусь на строчках к вам!

МУЗЫКА

Давайте зажжем все улыбки,
Давайте потушим дела.
У музыки девочка-скрипка
В торжественный час родилась.

Какие тут могут быть споры?
О музыке спорит педант.
Нужны ли фантазии шпоры?
А может быть, лучше педаль?

Какие у музыки темы?
У музыки все впереди.
И рушатся годы и стены,
Чтоб в царство ее перейти.

В мелодию входят бемоли
Как члены единой семьи.

И музыка — бурное море,
Войдешь и не видно земли.

Войдешь и куда возвращаться?
Возврата из музыки нет.
Прощай безмятежное счастье —
Мещапства и чванства кузнец.

МОИ СНЫ

Мои сны — мои шедевры,
И пора им выйти в свет:
В них о жизни ежедневной
И помина даже нет.

Не поэтому ли снова
Озадачили меня
Закулисные маневры
Подсознательного «я».

Сны похожи на конвейер.
Я как фильмы их кручу.
Не вложить ли сны в конверты?
Не послать ли их к врачу?

Посылаю сны вдогонку
Всем другим ушедшим снам.
Посылаю сны на конкурс,
Берегу как талисман.

Черновик во сне не нужен —
Снятся сны наоборот.
Даже ужас, тихий ужас
Снится сразу набело.

В моих снах как у Жюль Верна
Все возможно, все дано,
Все научно, достоверно,
Но туманно и темно.

Мои сны без продолженья,
Без заглавий, без страниц.
В них одни изображенья
Без конца и без границ.

И пока на сны цензуры
И запрета еще нет,
Без шумихи и без бури
Выпускаю их на свет.

ВЕНЕРЫ ПИКАССО

Пикассо!
Волшебник!
Солдат от сатиры!
Очаг революций,
Волненья рычаг!
Бунтарь,
 сердцеед,
 миротворец,
 задира,
Душа-человек и чудак-весельчак.
Природа хитра и, конечно, капризна.
Душа живописца, напротив, как призма.
Природа подставит то купол, то ножку,
Подложит свинью — живописец держись!
Пикассо возьмет у природы немножко:
Кривую у талии, контуры ножки,
А остальное подскажет вам жизнь.
Проскочит улыбка. Распустятся губы.
Пикассо решает: анахронизм.
Про зубы забудет и губы погубит,
Но хвостик улыбки, восторг сохранит.
Пикассо не ждет от природы приказа:
Рисунком командует только Пикассо!
Природа предложит блудницу, кокетку —
Пикассо доволен, воскликнет: — Ура!
Он выпустит взгляд свой, как птицу из клетки,
Фантазию выпустит словно орла.
О взгляд у Пикассо, пожалуй, как хобот.
Природа, послушай, гляди лучше в оба...
Пикассо не любит
Сварливой природы,
Он не рисует
С прекрасной халтуры.
Бросьте два взора
На этот эскиз!
Пикассо рисует

С великой тоски,
С души, голосующей
Яростно против,
С обиды, с высот
Неплошающей плоти...
Пикантны, прекрасны
Венеры Пикассо.
Венеры рискуют —
Пикассо рисует.
Что значит Венера
Без страсти, без искры?
Что значит искусство
Без Божьего риска?
Подумаешь: важность,
Подумаешь: счастье —
Писать эти сцены
И позы мещанства!
И ради чего? Популярности шаткой?
Всю жизнь в перспективе прилежно ишачить?
Пикассо не ждет от природы приказа,
Картиной командует только Пикассо!

СТАНСЫ

1

Я стою у порога
Безнадежности лунной.
От порога — дорога
В эпилог семиструнный.

2

Листья падают с клена,
И кончается танго.
Вдруг из одеколона
Появляется ангел.

3

Он увешан сияньем
И снабжен ореолом.
Кто послал христианам
Эту ночь с радиолой?

4

Городок ненормальный.
 Пьют, гуляют кварталы:
 Кто под властью кармана,
 Кто под гнетом гитары.

5

В этот час спят равнины
 У Смоленска и Курска.
 Да, в стране журавлиной
 Смерть — ведь тоже искусство.

6

Постоять бы нам смирно,
 Шевельнув лишь губами,
 Где под запах жасмина
 На все сто погибали.

7

Есть закон такой рыжий,
 Есть эпоха такая...
 Под законом как крыша
 Телефон протекает.

8

Из дверей гастронома
 Вытекают клиенты,
 Набираю я номер
 И дарю комплименты.

9

Освещенный лекарством
 И напичканный мукой,
 Я устал увлекаться
 Очень нежной наукой.

10

Я иду вдоль сиянья
 Переполненной дамы
 И несу два желанья
 Словно два чемодана.

11

Я расписан глазами,
 Окружен средним классом,
 Я подписан слезами
 И эпохой подсказан.

12

Вон лицо как поселок,
 И вокруг словно листья
 С уймой красок бессонных
 Опадают жилища.

13

Я вынашивал краски
 Для больного рисунка,
 А из детской коляски
 Была жизнь без рассудка.

14

Навалились идеи
 Как солдаты на кашу
 И съедают злодеи
 Человека и кассу.

15

Темнотою обильной
 Поливаются очи,
 И серебряной пылью
 Засыпаются ночи.

16

Путь эпохи нелегкий.
 Дураки словно скалы.
 Навалились налоги,
 Фонари-зубоскалы.

17

Слышу рокот гавайский.
 Дураки словно стены.
 Как часы — только вальсом —
 Здесь заводится тело.

18

Стан такой утонченный —
 Как букет незабудок —

Схвачен ловким танцором
И закручен, запутан...

19

Происходит настройка
Опоздавшего мозга.
Я прочел вчера строки:
Не стихи — а гармошка.

20

Мы увязли в законах
И в стихах черной масти.
Своих старых знакомых
Я встречаю как мачты.

21

Опусти занавеску!
Прекрати этот ропот.
Кто улыбкою зверской
Занавесил Европу?

22

Мы давно как изгой.
Смех теряет запасы.
Занавесим же горе
Поскорее шампанским!

23

Государством сожженный,
Человек ждет попойки.
Льются слезы сезона,
Гаснут дуры эпохи.

24

Улыбаться опасно
И молчать непристойно.
Почему после басни
В голове так просторно?

25

После Гоголя, кстати,
И в саду симпатично,
Там в широком экстазе
Разветвляются птицы.

26

Размотав интерес свой
 Шириной в два аршина,
 Мой земляк всем отрезал
 По куску матерщины.

27

А хитрец — англичанин,
 Превратившийся в денди,
 Хлопнул грозно очами:
 — Приходите, владейте!

28

Размножаются шубы,
 Я — серьезно, поверьте.
 Усмехаются зубы
 Как посуда в буфете.

29

Шелуха разных шапок.
 Даже свет шелушится.
 Покупается запах
 И на память ложится.

30

В чешуе светлых сплетен
 Языки развинтились.
 Расшатались куплеты,
 А за ними витии...

31

Кто подчеркнут желаньем
 Молодой Джюконды,
 Кто увешан жирами
 И женой незаконной.

32

Чья-то музыка лает
 На мещан как борзая,
 Всюду буквы пылают,
 Обещанья бросаая.

33

Не пойму: или струны
 Так меня утомили,

Или ныне бастуют,
Устают витамины?

34

Побывав снова в прошлом
Как в когтях леопарда,
Я гуляю с вопросом
Вдоль зари листопада.

УЛЫБКА

Ты улыбаешься так чисто.
В твоей улыбке пятен нет.
Она напрасно не случится
И не появится на свет.

Она без тени, без личины,
Она сомненье не внушит,
Она не вспыхнет без причины
И без согласия души.

Но если вспыхнет, как её узки
Границы нежного лица:
Она расходится по-русски
И развернется до конца.

И вот тогда без принужденья
Все отразится сразу в ней:
И блеск, и легкое паренье
Веселой радости твоей.

Ты улыбаешься так редко.
Вот почему порой молю
Твою улыбку как соседку
Улыбку выручить мою.

МОЙ КАПИТАЛ

Как будто нарочно судьба хлопотала,
Чтоб стали глаголы моим капиталом.
Судьба пожалела, когда был младенцем,
И вышел я в люди глаголовладельцем...

Скажу, если речь здесь заходит о средствах:
Глаголы — чудесное все же наследство!
Слова есть не просят, слова — не ботинки,
Они процветают, живут без починки.
Состарится слово — другое есть в кассе...
У слов никогда не бывает вакансий.
И вот я решаю: чего мне бояться,
Мне русский язык предлагает богатство!
Слова меня знают, приветствуют: — Здравствуй!
Глаголы зовут: — Приходи к нам и властвуй!
Меня приглашают цветы прилагательных,
Имен уменьшительных и притяжательных.
А поле, а роща имен существительных!
Иди, создавай в них другую действительность!

ЕСТЬ МИР БЕЗ СТРУН

Не слышно струн. Ни музыки, ни смеха.
Попробуем представить лишь на миг
Безмолвный мир, лишенный даже эха —
Провинцию и глушь глухонемых.

Но жизнь дана, и надо улыбаться.
Зовут дела, морщину на чело,
И мысль кладется бережно на пальцы,
И слово вяжется подробно как чулок.

Глаголы строятся, слова мелькают,
И мысль становится ладонью, кулаком;
Зовет судьба, и ум не умолкает —
Не в государстве — в княжестве глухом.

Но жизнь дана, и мысль всегда усердна.
И мир вещей от мысли недалек.
И вот за пальцы держится беседа,
На пальцах прыгает веселый диалог.

НАШИ ПИСЬМА

Уходим в буквы, в запятые...
В аллеях строчек трепет слов.
Уходим в письма, в деспотию
Воспоминаний, слов и снов.

Есть даже в точках содержание.
О наших писем горький груз!
В них, побеждая расстоянье,
Подолгу разъезжает грусть.

Какая в письмах атмосфера!
Какие в письмах облака!
Бесплотный груз — в них ездит вера!
Бесплотным письмам мнут бока.

Накинув легкую одежду,
Они летят как паруса.
В них перевозится надежда,
В них запирают голоса...

Не добежав порой до точки,
Как будто обессилев вдруг,
В них падают и рвутся строчки,
Почти все буквы выпустив из рук.

О эти буквы как листочки.
В них наша боль воплощена.
Уйти из букв — скорее! — в точки...
Какая в письмах тишина!

БАЛЛАДА О ДВУХ ЯЗЫКАХ

С какой — не знаю — жилкой
В далеком далеке
Живу теперь как в ссылке
В английском языке.

Хочу признаться честно,
Как в тесном пиджаке
Бывает все же тесно
В английском языке.

В английском свое царство,
Царит сухой закон:
Мели, но лишь за чаркой
Английским языком.

Войдя в его ворота
С порожним рюкзаком,
Я должен был ворочать
Английским языком.

Ботинки покупая
Иль путаясь в долгах,
Я должен был губами
Слова его толкать.

Чтоб в русском не трепаться,
Жонглируя как жук,
Проходит контрабандой
В английский русский звук.

Чтоб русские глаголы
Случайно не сломать,
Приходится из горла
Язык свой вынимать.

Случается, бывает:
Английский у меня
Как зубы выбивает
Родные имена.

И это не придирка;
И это не секрет.
От слова — только дырка,
Но слова уже нет.

Хотя заметить должен:
Почти как блиндажи
И прочны и надежны
Родные падежи.

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКА

Безоблачный день
Гуляет в столице,
Комплекты идей
На облачных лицах.

С каким-то огнем
Шагают студенты,
Трещат под сукном
И дяди, и денди.

Бурчит автомат,
Горят сигареты,

И дамы дымят,
И их конкуренты.

То слышится плеск
Невинных лобзаний,
То высится лес
Тропических зданий.

Прославленный пол
Грозится диетой.
Великий футбол
Играет монетой.

В витрине увяз —
Совсем не без риска —
Неопытный глаз —
Наверно, туриста.

Струится лубок
Прямых впечатлений.
Ловители блох,
Искатели лени...

И вот как штыки,
На почве сей прозы,
Пристали стихи,
Мелькнули вопросы.

С каких это пор,
Легко и невинно,
Чуждается пол
Своей половины?

Тот пол, что подвел
Под пулю, под виски,
Пускает подол
Все выше и выше.

Блуждают у глаз
Солидные тени.
Какой это класс
Живет в этом теле?

Доносится смех,
Похожий на вирши.
Подол словно змей
Все выше и выше.

Какая-то боль
Осела на лицах.
Какой это пол
В штанах-сателлитах?

Какие у дам
Теперь в жизни цели?
Неужто Адам
Живет в дамском теле?

Ужель купидон
Из строя здесь вышел?
Коварный подол
Все выше и выше...

Столичный набор
Осанок и типов.
Нажим и напор
Бездельников, хиппи...

От лиц и от встреч,
От всех наблюдений
Коробится речь,
Глаза обалдели.

Я ВАМ СТРОЧУ

Я вам строчу. Как интересно
Писать на склоне лучших лет.
Когда диктует вся окрестность,
И эхо шлет вам свой привет.

Ах, это эхо, это эхо —
Как шаловливое дитя:
Собакам здешним не до смеха,
А эхо тешится шутя.

Здесь небосклон конфеткой пахнет.
Здесь новостей особых нет.
Идет за плугом здешний пахарь,
Но это — тоже не секрет.

Земля щетинится как львица.
От солнца жмурится родник.

И борозда чуть шевелится,
Подняв бровь воротник.

Я вам строчу. Скрипят телеги.
Трещат спокойно берега.
Добившись новых привилегий,
Свободы требует река.

Ах, если б знали вы, как нежно
Шумят у лошади бока,
Как канителится «конечно»,
Как беспокоится «пока»,

Как пробуждается желанье
(Его прочтешь во всех глазах)
Раскрыть себя до основанья
И рассказать все в двух слезах.

Итак, целую вас заочно
И извинения прошу
За то, что медленно и точно
Я о любви своей пишу.

ПРИГЛАШЕНИЕ В СТИХИ

Пусть потерпит забота.
Подожди меня, буря!
Я слова на работу
В эти строки вербую.

Принимаю на службу,
Кроме крепких глаголов,
Бубенцов звон послушный,
Крупный звон колокольный.

Шелест, шум, даже шорох
Я беру как задаток.
Приглашается порох
И его результаты.

Пригодится и встряска —
Без особых сенсаций.
Предлагаю всем краскам
В стих скорей записаться.

Приглашаю сберкассу
И друзей поздравленья.
Принимаю заказы
На большие сравненья.

Принимаются чайки,
Волны моря и пляжи,
Приглашаются чарки,
Декольте, экипажи;

Рокот чувств, изливанье
Из души непокорной —
Для любого сиянья
Здесь работы по горло.

Привлекаю к участию
Все опасные темы.
Призываю начальство
Помогать в этом деле.

Пусть стоят по равжиру
Все слова-депутаты:
И слова-старожилы,
И слова-дебютанты.

Пусть дают они клятву,
Пусть приносят присягу —
Выражаться — лишь кратко,
Прибавлять — только шагу.

Чтоб слова-белоручки
Не сидели в печенках,
У меня до полочки
Слово ходит в спецовке.

Объявляю посадку:
Стих отходит как поезд
На Урал, на Камчатку
И на Северный полюс.

ИЗ СТИХОВ О ЖИВОТНЫХ

1. МЕДВЕДЬ

На вопросы я ответил,
Справил массу именин,

По вот взгляды на медведя
Я еще не изменил.
Эти взгляды на бумагу
Я с размаху положу.
Пусть и сделаю пометку —
Я всю правду расскажу.
Дело в том, что я как скентик
Взгляд люблю сильнее и крепче...
Возвращаясь к главной теме,
Должен все-таки сказать,
Что в большом медвежьем теле
Не засел лихой казак.
Мне медведь внушил сомненья:
Очень мало в нем стремленья.
Правда, в нем пока не видно
Отрицательных сторон.
Все же больно и обидно,
Что ничем не блещет он.
Много спит и мало ходит,
Не медведь, а меланхолик!
Не живет, а все хандрит.
Или он всегда хитрит?
Я питаю уваженье
Как и все к телосложению
(И нельзя не уважать
очень милых медвежат).
Но когда телосложенье
Не способно на движенье,
Что за польза от размера?
Ни влиянья, ни примера!
Лишь давай, давай еды!
В общем много ерунды.

2. МУРАВЕЙ

А теперь вам, сыновья,
Я представлю муравья.
Я скажу вам: муравей —
Не бездельник-соловей,
Не разбойник, не повеса.
Что с того, что мало веса?
Уродился уже лысый,
Получился круглолицый.
Впрочем, может быть, и нет —
Трудно дать прямой ответ.

Неизвестно, есть ли брюки
И куда девались руки?
Он все время смотрит в землю,
Но не спит он и не дремлет.
Не свистит он, не поет,
Потому что занят рот
(Носит он во рту писк,
Потому и не поет).
Отправляясь на работу,
Он берет с собой охоту,
Зубы, голову, усы,
Минус песни и трусы.
Тащит нервы словно гири,
Тащит брюхо на буксире,
Тащит точку, запятую,
Словом, тащит как станок
Всю как есть аппаратуру
Живота и шести ног.
Это значит, сыновья:
Жизнь кипит у муравья.

СОДЕРЖАНИЕ

13-й ПОДВИГ

Мини-моно-мани-фест	9
Итак, начинается	10
Пробуждение Ивана-царевича	10
Ход конем	10
Весна	11
Сложноподчиненное сочинение	12
Кто ей целует золотые кольца	12
Луна над Сан-Франциско	14
Под абсурдинку	15
Портреты	15
Без названия	16
Давайте изобразим море	17
Три пролога	18
Жизнь человека	19
Описание грозы	20
Триптих	20
L'art poétique	20
Зачем? Куда? Кто?	21
Эскизы	22
Шаль с каймой	23
Уличная сцена	24
Поток впечатлений № 1	24
Очень лирическое	24
Мини-стихи	25
Allegro non troppo	26
Поток впечатлений № 2	27
Выходной день	27
Стихи с цитатами	27
Учебник	28
Событие № 5	28
Тоска в безличных предложениях	29
Неподражаемое	29

Варианты улыбок	29
Галерея	30
Банальное	30
Между поэзией и прозой	31
Против течения	32
Еще раз о том же	33
Злоумышленник	33
Герой нашего времени	33
Зимний пейзаж	33
Рассказ о телефоне	34
Время и я	35

ЗАВЕДУЮ СЛОВАМИ

Игра воображения	39
Мой адрес	40
Рифмы-чайки	41
В эту зимнюю ночь	42
Заведую словами	42
Музыка	44
Мои сны	45
Венеры Пикассо	46
Стансы	47
Улыбка	52
Мой капитал	52
Есть мир без струн	53
Наши письма	53
Баллада о двух языках	54
Глазами современника	55
Я вам строчу	57
Приглашение в стихи	58
Из стихов о животных	59

Подписано к печати 11.02.92 г.
Формат 84×108^{1/32} П. л. 4 Заказ 290 Тираж 1500 Цена договорная
Издательство журнала «Юность»

Типография С.-Петербургского государственного аграрного
университета, г. Пушкин, ул. Комсомольская, 14.

ИВАН БУРКИН — представитель «2-й волны» эмиграции, профессор славистики Калифорнийского университета. С Николаем Заболоцким и обэриутами его роднит прием ретравестирования — возвращения первоначальной свежести «усталым» рифмам и поэтическим образам. В его стихах оригинальная свежесть и неожиданные образы, ощущение легкости и свободы. «Луна над Сан-Франциско» — избранное из двух книг поэта, изданных на Западе: «13-й подвиг» и «Заведую словами».